

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.6>

UDC 101.1:316

LBC 87.6

GENDER REPRESENTATIONS / TRANSPOSITIONS: PECULIARITIES OF THE “THIRD AGE”

Nadezhda L. Vinogradova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Elena Yu. Leontyeva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper clarifies the concept of gender representation / transposition. The authors substantiate the relevance of studying this social phenomenon with respect to people of the “third age”, whose number has been growing since 1950. The fact of such growth and the small number of studies regarding interests, preferences and value orientations of people belonging to this category are considered in detailed and provided with substantive arguments. The authors especially emphasize the practical absence of studies of gender representations / transpositions of aged people, as well as lack of general research on gender issues of this category of population. Gender representations / transpositions are considered by the authors as the change in the gender identity of social subjects, the very possibility of which becomes permissible due to the possibility of choosing an identity, whose existential grounds are being questioned. Gender representations become possible and in demand in the modern world, when individuals are forced to assume multiple social roles, and social reality itself dictates the need for flexible and multiple identities for successful existence in an environment of social relations. The phenomenon of gender representation also occurs during the “third age” period, when, due to both biological and social reasons, it becomes difficult for people to adapt to the changing conditions of their life and work, which raises a number of problems and manifests itself in several variants of representative features. This is a period of loss of distinct biological differences between men and women, a period of common medical and social problems they face. The arising problems of a gender nature, including problems of gender representations, are attributed by the authors to the degree of realization and satisfaction of the people of the “third age” with their achievements in previous years of life. It should be noted that these are the very facts which the difference in gender representative practices implemented during a specified period of a person’s life depends on.

Key words: gender, representation / transposition, “third age”, personal fulfillment, loss of identity.

УДК 101.1:316

ББК 87.6

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ / ТРАНСПРЕЗЕНТАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»

Надежда Леонидовна Виноградова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Юрьевна Леонтьева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье уточняется понятие гендерной репрезентации / транспрезентации. Обосновывается актуальность рассмотрения данного социального явления относительно людей «третьего возраста», рост численности которых набирает обороты, начиная с 1950 года. Приводится аргументация относительно увеличения численности данной возрастной категории и малого числа исследований относительно их интересов, предпочтений и ценностных ориентаций. Особенно подчеркивается практическое отсутствие как ис-

следований гендерных репрезентаций / транспрезентаций людей «третьего возраста», так и в целом изысканий по гендерной проблематике данной категории населения. Под гендерными репрезентациями / транспрезентациями авторы статьи понимают изменение гендерной идентичности социальных субъектов, сама возможность которого становится допустимой вследствие возможности выбора идентичности, бытийные основания которой подвергаются сомнению. Гендерные репрезентации становятся возможными и востребованными в современном мире, когда индивиды вынуждены принимать на себя множественные социальные роли, а сама социальная действительность диктует необходимость гибкой и множественной идентичности для успешного существования в среде общественных отношений. Явление гендерной репрезентации имеет место и в период «третьего возраста», когда в силу как биологических, так и социальных причин людям становится трудно приспособиться к меняющимся условиям их жизни и деятельности, что порождает ряд проблем и проявляется в нескольких вариантах репрезентативных характеристик. Это период утраты жестких биологических различий мужчин и женщин, период общности медицинских и социальных проблем, с которыми они сталкиваются. Возникающие проблемы гендерного характера, в том числе проблемы гендерных репрезентаций, авторы связывают со степенью реализованности и удовлетворенности людьми «третьего возраста» своими достижениями в предыдущих возрастных периодах. Именно от этого зависит различие гендерных репрезентативных практик, реализуемых в указанный период жизни человека.

Ключевые слова: гендер, репрезентация / транспрезентация, «третий возраст», жизненная реализация, потеря идентичности.

В настоящее время общепризнанным становится факт старения населения Земли и появления все большего процента людей преклонного возраста. По оценкам ООН, население мира в возрасте 60 лет и старше насчитывало в 1950 г. 205 млн человек. Спустя полстолетия – в 2000 г. 600 млн человек, что является трехкратным превышением указанной цифры. Уже в 2009 г. число пожилых людей было более 737 млн человек, а к 2050 г. по прогнозам составит более 2 млрд человек, то есть вновь утроившись за 50 лет. В 2009 г. удельный вес населения 60 лет и старше в среднем по миру составлял 10,8 %. Он был наименьшим в Катаре и ОАЭ (1,9 %), а наибольшим – в Японии (29,7 %) [6].

Увеличение количества пожилых людей уже обозначено как серьезная экономическая проблема, которая порождает и проблемы социального характера, ряд трудностей в политической и духовной сферах жизни общества. Развитие медицины ведет к тому, что возраст «активной старости» повышается, что означает более продолжительную социальную активность людей преклонного возраста, их нежелание заканчивать трудовую деятельность, связанное с актуальной возможностью и желанием продолжать профессиональную и социально активную жизнь. В связи с этим все чаще говорят о надвигающейся геронтократии, известной еще с древности «власти старцев». Однако, учитывая простой факт, что до возраста «старцев» в те далекие

времена доживали немногие (в силу объективных причин и низкой продолжительности жизни), к таким людям испытывали пиетет, они пользовались действительным авторитетом. В настоящее же время активность, особенно профессиональная, людей «третьего возраста» вызывает недовольство молодежи и людей среднего зрелого возраста, испытывающих нехватку рабочих мест и проблемы с профессиональной реализацией.

Все это порождает вереницу новых проблем для обсуждения и для их наиболее оптимального решения. В той или иной степени эти проблемы занимают свое место в научном дискурсе последних лет. Наибольший интерес вызывают проблемы медицинского характера, так или иначе освещающие проблемы здоровья, физической активности и долголетия людей «третьего возраста» [2].

На втором месте проблемы социальной активности и возможности самореализации [3]. Мы хотим акцентировать внимание на еще одной немаловажной, на наш взгляд, проблеме гендерных изменений, перверсий, трансформаций, которые также имеют место в период «третьего возраста». Мы назвали это проблемой гендерных репрезентаций или транспрезентаций.

Вопросы, связанные с гендерными характеристиками человека, были поставлены еще в Древней Греции, но долгое время находились за рамками широкого рассмотрения. Актуализация данных вопросов произошла в

современном обществе, которое характеризуется высокой степенью либерализма, активным развитием биоинформационных технологий и глобализацией социального пространства. Среди всего спектра гендерной проблематики наиболее актуальными являются вопросы гендерных репрезентаций / транспрезентаций. Гендерными репрезентациями / транспрезентациями мы называем явление конструирования социальным субъектом желаемых половых социально-биологических характеристик с последующей трансляцией их в социальном пространстве. Конструирование происходит посредством применения коммуникативных знаков и символов другого пола. Социальный субъект, репрезентируя свой гендер, изменяет свою идентичность, происходит переименование, трансформация биологически и социально заданного гендера. Иначе говоря, субъект воспринимает свою половую идентичность как некий конструкт, который может быть изменен в зависимости от желаемой и принимаемой новой гендерной идентичности [1; 7].

Бинарная оппозиция мужского и женского, логического и эстетического начинает претерпевать значительные изменения, активно проявляется такое явление, как релятивизация пола. Биологический пол перестает играть единственную определяющую роль в становлении гендерного типа человека. Пол признается социальным конструктом, детерминированным уровнем общественного развития, типом культуры и формой социальных отношений. Развитие информационных технологий в большой мере вынесло на поверхность вопросы символической и конвенциональной природы гендера. Мужественность, реализующаяся в маскулинности, и женственность, проявлением которой является феминность, приобретают статус разыгрываемых концептов. Рождение, трансляция и считывание (восприятие) маркеров мужественности и женственности происходит в коммуникативно-информационном пространстве общества.

Таким образом, рассматривая феномен гендера как социокультурного конструкта, мы неизбежно сталкиваемся с его существованием в коммуникативном пространстве. Коммуникативное пространство позволяет осуществляться не столько гендеру, как провоцирует развитие гендерных репрезентаций.

Современное общество, определяемое как информационное, детерминируется информационными потоками, коммуникация и информация предопределяют развитие и функционирование всех сфер: социальной, экономической, политической и культурной. Для успешной реализации коммуникативного акта и поддержания информационного пространства в актуальном состоянии все участники коммуникации должны с большей или меньшей долей единообразия трактовать знаки и символы, наполняющие пространство коммуникации социальными смыслами. Гендерные знаки и символы являются одними из обязательных для считывания и интерпретации при возникновении социального взаимодействия, поскольку коммуникация реализуется на основании гендерных стереотипов поведения и взаимодействия. Современное пространство коммуникации, оснащенное сложными сетями, нейроинформационными технологиями и прочим, позволяет продуцировать любой востребованный субъектом знак и символ гендерной идентичности. Гендерные трансформации реализуются очень просто, в игровой форме, не требуют от индивида никаких усилий, в то же время эта игра затягивает и исподволь разрушает традиционные гендерные стереотипы и модели поведения, характерные для мужчин и женщин. В коммуникативном пространстве половая принадлежность нивелируется, усредняется или нарочито гротескно разыгрывается – по субъективному желанию индивида. Репрезентация / транспрезентация гендерных знаков и символов, их подмена влияет на самые сокровенные и табуированные сферы жизни общества, воспроизводство и сохранение человека.

Отметим также, что процесс гендерной репрезентации в социуме оказывается более значимым и часто единственно возможным, нежели процесс простой презентации. Последняя связана с непосредственным представлением обществу тех или иных характеристик: каждый человек имеет однозначно выраженный биологический пол, который становится очевидным в момент его рождения. В течение своей последующей жизни человек лишь репрезентирует свой пол – демонстрируя те или иные символические характеристики биологического пола, конструируя, соб-

ственно, то, что мы и называем гендером. Розовые бантики и матросские воротники, платица и ковбойские джинсы, каблуки и сумочки или сигары и мужские часы. В обществе существует сложившийся столетиями и закреплённый в символах стереотип мужского и женского, активно демонстрируемый представителями обоих полов.

Вопросы гендерной репрезентации в контексте транспрезентации (то есть перепрезентации) возникают в обществе вместе с трансформациями, происходящими в его онтологических основаниях. В период исторического становления социальных отношений биологические и социальные характеристики человека находились в неразрывном единстве, их взаимодетерминация не подвергалась сомнению. Мальчики с рождения получали мужское воспитание, а девочки неизменно являлись обладателями и носителями женских символов, репрезентируя таким образом свою биологическую сущность. В современном мире, в котором «допустимо все» [5] и где подвергаются сомнению и пересмотру незыблемые догмы и привычные традиции, возникает ситуация, когда под сомнение ставится и непосредственная связь биологической половой идентичности человека и его социально представляемой половой роли. Социальная сущность человека утрачивает непосредственную зависимость от биологической данности, соответственно социальные характеристики начинают конструироваться и представляться обществу в соответствии с субъективными желаниями индивида и конкретными жизненными ситуациями. Гендерная репрезентация маркируется как проблема выбора идентичности в современном обществе [7]. И в данном случае мы не только символически репрезентируем свой социальный пол, мы оказываемся в ситуации его возможного выбора, несмотря на изначально присущие нам биологические данные.

Таким образом, подчеркнем еще раз, что любой репрезентации / транспрезентации всегда предшествует презентация, они не являются самостоятельным явлением. Презентация и, прежде всего, половая презентация дает толчок и по своей сути является основанием к выстраиванию социальной репрезентации субъекта и устанавливается в про-

цессе исторического развития, длительного процесса социализации, представляя собой имманентное условие существования индивида в обществе. Репрезентация как перепрезентация (или как мы назвали транспрезентация) является волевым проявлением, личностным решением индивида, следствием возможности выбора. Однако отметим, что явление репрезентации / транспрезентации необходимо отделять от явления трансгендера, которые при поверхностном взгляде могут показаться однотипными.

Остановимся на данном аспекте подробнее. Трансгендером называется индивид, биологически являющийся человеком одного пола, но при этом ощущающий себя человеком другого пола. Согласно физиологии и психологии трансгендеризм может быть вызван биологическими дефектами, то есть человек при рождении имеет первичные признаки обоих полов, но признаки одного пола проявлены более ярко, а признаки другого затушеваны. Психологическая двойственность – более тяжелый вариант трансгендеризма, когда физиологическая и нервно-психологическая сущности человека входят в противоречие. Иначе говоря, явление трансгендера – это характеристика уже состоявшегося изменения гендера, обусловленного нетипичными биопсихологическими характеристиками индивида.

Репрезентация / транспрезентация – явление, характерное для людей со стандартными гендерными биологическими и психологическими характеристиками, оно в большей мере обусловлено социальными и личными обстоятельствами. Кроме того, гендерные репрезентации имеют ярко выраженный процессуальный характер, они вариативны, знаково и символически окрашены.

Онтологическим основанием гендерных репрезентаций / транспрезентаций является выявление, перенос и изменение своего поведения, своей роли при помощи гендерных знаков и символов другого пола в конкретной жизненной ситуации. «Гендерная репрезентация оказывается возможной в ситуации, когда субъект имеет желание или необходимость продемонстрировать не реальную идентичность, но объективно ожидаемую, востребованную социальным окружением либо субъективно желаемую самим индивидом» [1, с. 37].

В современном обществе возможны гендерные репрезентации / транспрезентации в весьма большом диапазоне проявлений: от локальных до глобальных. Локальные гендерные репрезентации могут быть направлены на ближайшее окружение индивида, иметь кратковременное проявление, не оставляющее сколь-либо значительного следа в общественных отношениях. Глобальные гендерные репрезентации затрагивают не только биологические основания индивида, они пересекаются с явлением трансгендера и воздействуют на всю систему социальных отношений.

Для более ясного понимания того, когда мы имеем дело именно с явлением гендерной репрезентации, необходимо обратиться к типологии гендерных ролей, которые подробно представлены в монографии авторского коллектива Н.Л. Виноградова, Н.В. Антонова, Л.В. Клименко, Е.Ю. Леонтьева и В.Н. Серебрянской «Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южно-российского региона» [1]. Кратко их можно обозначить следующим образом: формальная гендерная роль (зафиксированный в личных документах индивида пол совпадает с визуально транслируемым полом); биологическая роль (биологический пол, психологический и социальный совпадают); культурно-историческая гендерная роль (обусловленная культурными традициями данной социальной группы); эмоциональная роль (гендерные знаки и символы, транслируемые индивидом, меняются в зависимости от эмоционально-психологического состояния); ситуационно обусловленная роль (временная трансляция знаков-символов другого гендера обусловленной внешней ситуацией); социально обусловленная роль (длительная трансляция знаков-символов другого гендера, изменения образа жизни и мировоззренческих установок под воздействием объективных социальных факторов).

Как мы уже отмечали, возможность выбора и изменения гендерной идентичности предопределяет развитие такого явления, как гендерная репрезентация. Актуализация явления гендерной репрезентации происходит в ситуации, когда биологически предзаданная и социально воспитанная идентичность оказывается не востребованной обществом. Гендерные репрезентации порождают суррогат-

ные сущности, которые в контексте современности оказывают не меньшее, а иногда и большее влияние на общественные отношения, чем сущности реальные. Один из отечественных исследователей идентичности В.С. Мартынов не без основания утверждает, что выбор идентичности, в том числе и гендерной, реализует «свободу выбора», «объективную самооценку» и некоторые «аморфные критерии» [4, с. 15].

Какие же особенности проявления гендерных репрезентаций встречаются в «третьем возрасте»? Что собой представляет последний и какие гендерные проблемы порождает?

Долгое время считалось, что возраст 65 лет и старше является финальным в жизни человека, когда минует пора активности и приходит неизбежная старость. Этот период определяется негативными изменениями в физическом состоянии человека, меняются не только физические, но и психологические и когнитивные характеристики личности. Как правило, в данном возрасте люди оставляют активную работу и выходят на пенсию, что сопровождается изменением материального положения, возникает необходимость уменьшать привычные траты и расходы. С уходом из активной профессиональной деятельности сужается круг общения, нередко возникает проблема вынужденного одиночества, что, с другой стороны, провоцирует активных людей на новые контакты. Для части людей «третьего возраста» вектор интересов смещается с забот о будущем к сохранению прошлого. Все эти изменения несут в себе возможность и необходимость трансформации гендерной идентичности. В этот же период жизни человек сталкивается с новой для него, часто тягостной проблемой – в «третьем возрасте» начинают утрачиваться естественные физиологические особенности женщин и мужчин. Женщины теряют свою привлекательность, мужчины свою силу, все приобретают примерно один спектр болезней и проблем. Народное «что старый, что малый» звучит совсем иначе в данном контексте: люди преклонного возраста, как и дети, не обременены проблемами сексуального характера, они для них существуют как нечто чуждое, отстраненное. Однако если у детей, которые только понаслышке знают о существовании

особой «взрослой» сферы жизни, радужные перспективы присоединиться к ней и в конечном счете стать взрослыми, то у людей преклонного возраста немаловажную роль в процессе переосмысления жизненных достижений или неудач играют и воспоминания о собственном сексуальном опыте, взаимоотношениях с представителями противоположного (или собственного) пола. В силу сложившихся культурных традиций эти воспоминания редко становятся достоянием общественности. Однако соответствующий возраст, приобретенный опыт, зачастую и преодоленные социальные оковы и ограничения делают людей «третьего возраста» более свободными в проявлении своих желаний, часто подавляемых в течение жизни. Это и может выступать одной из причин пересмотра своего гендерного поведения, изменения демонстрируемых гендерных символов.

Кроме того, все пережитые и переживаемые жизненные ситуации людей, которые складываются к преклонному возрасту, позволяют разделить их на две большие группы: в первую группу входят люди, которые самореализовались на предыдущих этапах своей жизни в профессии, в творчестве, имеют продолжение в семье и не испытывают давящего страха смерти. Вторая группа людей «предпочла бы прожить жизнь заново», не нашла себя в профессии, творчестве, не имеет продолжения в детях и внуках. Сразу оговоримся, что подобное деление – это две условные модели, которые в явном виде практически не встречаются в реальном социальном бытии, то есть человек может быть полностью реализован как профессионал, но недореализован как родитель или наоборот реализован в качестве матери (отца), но хотел бы достичь большего в профессиональной деятельности. В данном разделении нам видится еще одна из причин различного отношения людей «третьего возраста» к гендерным репрезентациям. Можно проследить непосредственную взаимосвязь между степенью реализованности и удовлетворенности человеком своими достижениями в предыдущих возрастных периодах и желанием изменить свою гендерную идентичность, реализовать иную для него гендерную репрезентацию или транс-презентацию.

Мы предполагаем, что гендерные репрезентативные практики тех, кто реализовал личностный потенциал, и тех, кто продолжает искать себя, не одинаковые. Для реализовавших себя людей утрата физиологических гендерных характеристик не воспринимается как большая проблема. Очередной возрастной этап рассматривается как время новых возможностей, пусть и не половых, не сексуальных, но духовных, социальных и даже физических, как приобщение к новым формам физической активности, путешествиям, даже к возможным занятиям спортом. Нивелирование и усреднение гендерных признаков рассматривается даже как благо, когда значимые в активном сексуальном возрасте проблемы просто перестают существовать. Если в семье остаются оба престарелых супруга, то чаще всего они постепенно начинают вместе выполнять домашнюю работу, работу по даче, воспитанию внуков и т. д. Важные прежде вопросы о главенстве в семье, круге обязанностей каждого супруга утрачивают былую и ценность, и значимость, и не имеют прежнего значения. Ситуация может и не меняться: каждый из супругов выполняет привычный ему круг забот и обязанностей, поддерживая при этом другого супруга.

Однако чем более несостоявшимся чувствует себя человек, подходя к «третьему возрасту», тем больше у него будет желание всеми силами подчеркнуть принадлежность катастрофически теряемой гендерной идентичности. Часто начинают докучать воспоминания о былой привлекательности, молодости, успехах у противоположного пола. Пожилые дамы начинают ярко краситься, носить много украшений, бижутерии, позволять себе такие костюмы и макияж, который прежде сами они считали недопустимыми (в этом проявляется и упомянутое выше «снятие былых ограничений»). Мужчины преклонного возраста зачастую подчеркивают ускользающую мужественность бородой (ведь именно она атрибут истинного мужчины), любят делиться воспоминаниями о былых подвигах, а порой активно позиционируют себя как «сердцеда и ловеласа».

Можно сказать, что для данной группы репрезентативные практики в преклонном возрасте чаще превращаются в презентацию сво-

его исходного гендера. Репрезентацией по сути является возврат и акцентирование своей утраченной исходной гендерной идентичности. Если женщина всю жизнь себя позиционировала как бизнес-леди, принимала жесткие правила игры в бизнесе, то с уходом на заслуженный отдых велика вероятность того, что она скинет с себя репрезентативную маску «железной леди», маску мужественности, и будет всячески подчеркивать свою женственность. Это не обязательно будет проявляться в ярком макияже или эксцентричных нарядах, она может погрузиться с головой в воспитание внуков, приготовление пищи, ведение домашнего хозяйства, то есть выполнять традиционно женские роли и обязанности, которые в силу жизненных обстоятельств не были ею в полной мере реализованы.

Вопрос о возможных перепрезентациях традиционного для жизни человека и презентуемого им гендера мы оставляем открытым. С одной стороны, гендерная идентичность, особенно если она не пересматривалась в течение жизни, достаточно прочна, а люди «третьего возраста» все же являются носителями традиционных устоев и консерватизма. С другой стороны, возможны как ситуации активного недовольства прожитыми годами, так и попытки «нагнать время», изменив в том числе и позиционируемую в течение жизни идентичность.

Есть еще один аспект особенностей гендерных репрезентаций людей «третьего возраста», он заключается в том, что по статистике женщин в «третьем возрасте» у нас значительно больше, чем мужчин, это обусловлено эволюционно (именно бабушка сохраняет и передает наследие прошлого). Оставшиеся одинокими пожилые женщины вынуждены репрезентировать / транспрезентировать свой гендер и брать на себя мужские роли (главы семьи), даже если никогда до этого они не пытались репрезентировать свой гендер. Женщины «вдруг» становятся социально активными, проявляют свои лидерские качества не только в рамках своей семьи, что часто оказывается довольно проблематично, так как взрослые дети уже живут своими отдельными семьями и по своим правилам. Таких социально активных пожилых женщин по объективным причинам оказывается больше, чем

мужчин, и они активно берут на себя мужскую роль лидера и главы сообщества. Бывают и обратные ситуации, когда оставшийся одиноким мужчина вынужден принимать на себя нехарактерные для него феминные роли. Данная ситуация достаточно тяжела, так как связана и с потерей супруги, и с утратой гендерной защищенности. Это вынужденная, ситуационно обусловленная репрезентация.

Таким образом, помимо традиционно признанных для людей «третьего возраста» проблем медицинского и социального характера особую нишу в исследовательском дискурсе должны занять и проблемы гендерных изменений в указанных возрастных рамках. Изменения эти могут носить самый различный характер, могут выступать и как репрезентации / транспрезентации. Возможных направлений исследований по данной проблематике множество. Дополнительную остроту им придаст активно обсуждаемый в настоящее время в нашей стране законопроект о повышении пенсионного возраста. Что он означает? Усугубление уже имеющихся проблем среди людей «третьего возраста» или же наоборот – нивелирование этих проблем, фактически продление возраста социальной активности? Необходимо дальнейшее их изучение, так как количество пожилых людей постоянно увеличивается, а многие вопросы социальной теории, например, вопросы гендера, гендерной идентичности рассматриваются только по отношению к детям, подросткам и молодым людям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона: монография / Н. Л. Виноградова, Н. В. Антонова, Л. В. Клименко, Е. Ю. Леонтьева, В.Н. Серебрянская ; под ред. Н. Л. Виноградовой, Е. Ю. Леонтьевой ; ВолгГТУ. – Волгоград : Изд-во ВолгГТУ, 2015. – 156 с.

2. Исупова, О. Г. Гендер и старость: теоретические подходы / О. Г. Исупова // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 433–434. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php> (дата обращения: 11.05.2018). – Загл. с экрана.

3. Косова, Л. Б. Третий возраст: социальное самочувствие / Л. Б. Косова // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 667–668. – С. 1–12. – Электрон. текстовые

дан. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/177908375> (дата обращения: 11.05.2018). – Загл. с экрана.

4. Мартъянов, В. С. Конфликты идентичности в современном мире: о справедливости иерархических и плюралистических стратегий урегулирования / В. С. Мартъянов // *Дискурс-ПИ*. – 2005. – Т. 5, № 1. – С. 15–18.

5. Фейерабэнд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабэнд. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.

6. Щербакова, Е. М. Доля населения в возрасте 60 лет и старше варьируется от 2 % в Катаре и ОАЭ до 30 % в Японии / Е. М. Щербакова // *Демоскоп Weekly*. – 2010. – № 423–424. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/barom02.php> (дата обращения: 11.05.2018). – Загл. с экрана.

7. Vinogradova, N. L. Rational and Non-Rational Reasons for Gender Representaition / N. L. Vinogradova, E. Y. Leontyeva // *World Applied Sciences Journal*. – 2014. – N 31 (3). – P. 298–301.

REFERENCES

1. Vinogradova N.L., Antonova N.V., Klimenko L.V., Leontyeva E.Yu., Serebryanskaya V.N. *Gendernye reprezentatsii v situatsii etnokulturnogo mnogoobraziya yuzhnorossiyskogo regiona: monografiya* [Gender Representations in the Situation of Ethnocultural Diversity in the South

Russian Region: Monograph]. Volgograd, VolgGTU Publ., 2015. 156 p.

2. Isupova O.G. Gender i starost: teoreticheskie podkhody [Gender and Old Age: Theoretical Approaches]. *Demoskop Weekly*, 2010, no. 433-434. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php> (accessed May 11, 2018)

3. Kosova L.B. Tretiy vozrast: sotsialnoe samochuvstvie [The Third Age: Social Well-being]. *Demoskop Weekly*, 2015, no. 667-668, pp. 1-12. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/177908375> (accessed May 11, 2018)

4. Martiyanov V.S. Konflikty identichnosti v sovremennom mire: o spravedlivosti ierarkhicheskikh i plyuralisticheskikh strategiy uregulirovaniya [Conflicts of Identity in the Modern World: the Justice of Hierarchical and Pluralistic Settlement Strategies]. *Diskurs-PI*, 2005, vol. 5 (1), pp. 15-18.

5. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow, Progress Publ., 1986. 542 p.

6. Shcherbakova E. Dolya naseleniya v vozraste 60 let i starshe varyiruetsya ot 2 % v Katare i OAE do 30 % v Yaponii [The Proportion of the Population Aged 60 Years and Older Varies from 2% in Qatar and the UAE to 30% in Japan]. *Demoskop Weekly*, 2010, no. 423-424. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/barom02.php> (accessed May 11, 2018)

7. Vinogradova N.L. Rational and Non-Rational Reasons for Gender Representaition. *World Applied Sciences Journal*, 2014, no. 31 (3), pp. 298-301.

Information about the Authors

Nadezhda L. Vinogradova, Professor of Department of Philosophy, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, philos@vstu.ru.

Elena Yu. Leontyeva, Professor, Head of Department of Philosophy, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, philos@vstu.ru.

Информация об авторах

Надежда Леонидовна Виноградова, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, philos@vstu.ru.

Елена Юрьевна Леонтьева, профессор, заведующий кафедрой философии, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, philos@vstu.ru.